

Р. Л. БЕРГ

Суховей

Воспоминания генетика

<...> Я занималась ликбезом¹ — ликвидацией безграмотности, обучала грамоте работниц фабрики-кухни и рабочих инструментального завода. Заставлять меня не нужно было. Я любила это дело. Ходить на собрания обязательно. Собрание за собранием. Сегодня нам предлагают выступить с осуждением вредительской группы — судят членов Промпартии, и нам предлагают голосовать за смертную казнь. Мне было 17 лет. Ни жива ни мертва сидела я на этих митингах, не поднимала руку ни за, ни против, ни на вопрос — кто воздержался. Я понимала, какое чудовищное беззаконие творится у меня на глазах, в котором, под страхом исключения из университета, я должна участвовать. Никто не протестовал, за смертную казнь голосовали единогласно.

Много лет спустя, когда потихоньку от мачехи возобновилась моя дружба с отцом, я выразила ему недоумение по поводу того, что никто не протестовал. Отец сказал, что ему известен один случай. Дело происходило на собрании в Академии наук. Также голосовали за вынесение смертного приговора кому-то из безвинных. Когда председательствующий спросил, кто воздержался, поднялась одна рука. Это был гениальный ученый, основатель биогеохимии Владимир Иванович Вернадский. Его тут же спросили, в чем причина. «Я в принципе против смертной казни», — сказал Вернадский². «А ты?» — спросила я отца. «Я на эти собрания не ходил», — сказал отец... <...>

С Вернадским я познакомилась сразу по приезде. Он пришел узнать, что происходило в Москве. Познакомилась я и с его секретарем — Анной Дмитриевной Шаховской, дочерью князя Шаховского³, историка, родственника Чаадаева и его биографа.

<...> Шаховской — нищий князь, как его называли, — доходил в своем аскетизме до крайности. Борец за демократию. Деятель Думы. В 1937 году его арестовали и он сгинул с лица земли.

Анна Дмитриевна жила в Боровом со своей матерью. Она рассказала мне, что Вернадского просят сделать доклад, а он отказывается, говорит, что его не понимают. Я сказала, что надо сделать так, чтобы понимали. А для этого подготовить текст доклада, взять среднего академика и прочитать ему доклад, все, что он не поймет, комментировать и читать тогда уже всем на семинаре.

Вернадский вял. В качестве среднего слушателя была избрана я. Доклад «Геологические оболочки и геосферы Земли как планеты» был прочитан сперва мне, а потом академикам. Он напечатан в «Известиях Академии наук»⁴. Отец мой — ученик Вернадского, и Вернадский говорил, что я его внучка. Я иллюстрировала его доклад. <...>

Море, Рим и Вернадский вызывали у меня сходную реакцию. словно рамки бытия раздвигаются, словно приобщаешься к бессмертию, ощущаешь себя бессмертным. Очень сладостное чувство. Я ходила к Вернадскому задавать ему глупые вопросы. Глупый вопрос — понятие сборное: либо задавать его глупо, либо ответ может быть только глупым. Обычно люди мгновенно распознают лукавство и отказываются отвечать. С такими людьми скучно. Гений не подозревает в собеседнике лукавства, не видит подвоха и ни один вопрос не считает глупым. «Люди хорошие или плохие?» — спрашивала я Вернадского. «А здесь, в Боровом, живут хорошие люди или плохие? Кто победит в войне? Сколько времени она продлится? Будут ли еще войны или эта — последняя?» Вернадский говорил, что люди хорошие, а здесь в особенности хорошие. Война скоро кончится победой России и будет последней. Но вот я спросила: «Живые вирусы или мертвые?» Вернадский сердито сказал, что людям давно надо было бы понять, что существуют мезоморфные состояния. Мезоморфные, то есть промежуточные⁵. Промежуточные между жизнью и смертью... Хотела я добыть определение жизни Вернадского, но не добыла. И еще Вернадский рассердился, когда я сказала, что я думаю не мозгами, а ионами кальция. <...>

Были у нас и серьезные разговоры. Вернадского интересовали вопросы симметрии. Момент возникновения жизни на Земле он связывал с возникновением асимметрии в строении белковых молекул. Мои двухмерные узоры интересовали его⁶. Он называл их — асимметрия на плоскости. Вернадский говорил

мне, что нужно использовать меченые атомы для познания самовоспроизведения хромосом. Его мысль на 15 лет опережала свое время в области, где он не был специалистом. Воплотить его мысль русским генетикам не пришлось. <...>

Имя В. И. Вернадского — гонимого, полузапрещенного титана — станет в один ряд с именами Галилея, Ньютона, Ламарка, Эйнштейна.

